

ДЕТСКИЙ «ЛЕС»

«Если на «Преступление и наказание» осознанно приходят подростки лет пятнадцати-шестнадцати, то это замечательный зритель», — считает Григорий Козлов

Леонид Попов

ДЕБЮТ твой был — я помню — такой, что все ахнули: замечательная работа! Но при этом — пьеса Льва Тимофеева, не драматурга и вообще не писателя, а диссидента, правозащитника, и зал Музея Достоевского, то есть не театральное пространство... Как возникли все эти обстоятельства?

— «Моление о чаше» началось с того, что мы по институту были знакомы с актрисой Валей Белецкой, она преподавала на Моховой, когда я еще учился. Я познакомился с Сашей Марковым, ее мужем, которого я знал по многим работам в театре «Ленком»... Мы обсуждали идею постановки «Маленьких трагедий»... А пьесу Тимофеева они сами предложили, она была им не просто близка, а буквально ложилась на их собственную жизненную ситуацию, на их отношения. Пьеса показала мне безумно сложной, но очень честной, откровенной — о любви. К моменту начала нашей совместной работы я преподавал в институте на курсе режиссеров телевидения, работал на «Ленфильме»... Работа проходила, можно сказать, в семейных условиях: мы все это вместе сочиняли, за обедом говорили о театре — так и репетировали.

— Спектакль «Москва. Моление о чаше» вышел под шапкой «Театр «Русские ночи». Значит, вы на тот момент не считали его единичной работой, намеревались продолжить своей командой общее дело?

— Да, так и было. Но — не сложилось...

— А потом тебя пригласили в ТЮЗ ставить «Преступление и наказание»?

— Андрей Андреев меня просто пригласил, а название я ему предложил сам.

— Как он отнесся к этой идее — ставить в ТЮЗе Достоевского?

— Очень хорошо. Ему не хотелось, чтобы театр был наполнен одним подростковым репертуаром. Сам Андреев поставил «Горе от ума» и «Над пропастью во ржи», а еще раньше Георгий Васильев выпустил «Записки Поприщина», а Григорий Дитятковский — «Белые ночи», и у меня после «Преступления...» была еще «Соната счастливого города» по Уайльду.

— Ты ставишь в детском театре совсем не детских авторов: Достоевского, Уайльда, Чехова... Ты не ощущал никогда, что твой театр внутри ТЮЗа имеет несколько иные задачи?

— Нет. Более того, я считаю, что дети смотрят нашего Уайльда лучше, чем взрослые. И если на «Преступление и наказание» осознанно приходят подростки лет пятнадцати-шестнадцати, то это замечательный зритель.

— А возрастных границ разве не существует? Доступны ли детям «Король Лир», «Месяц в деревне», «Гедда Габлер»?

— Пусть смотрят разное. С малых лет. Не поймут — не важно. Я помню, ребенком огромное впечатление получил от «Евгения Онегина». В опере. В шестом классе. И от эфросовского «Платона Кречета». Ну что мне те проблемы? А он остался во мне не меньше, чем тюзовские спектакли. Потому что классно сделано. Я не все понимал, допустим, в «Андрея Рублева», но впечатление! А сейчас разве я могу с уверенностью сказать, что я все в Тарковском понимаю? Даже если маленькие зрители не все поймут в «Сонате счастливого города», те, кого она зацепит, захотят прийти еще и еще, чтобы понять чуть-чуть больше, потому что если им понравилось, значит, в них осела загадка. Извини, если хвастовством покажется, но вот после спектакля (а я часто сижу в зале на «Сонате») обязательно подойдут несколько человек попросить автограф. Откуда они знают, что я режиссер? Значит, не первый раз пришли. Но мне важно не только, чтобы на мой спектакль

Режиссер драматического театра Григорий Козлов окончил факультет Театра кукол, но по специальности работал, кажется, лишь однажды, был у него дипломный спектакль в Магнитогорске и в Петербурге — «Театр времен Нерона и Сенеки». Козлов стал знаменит в одночасье после премьеры спектакля «Москва. Моление о чаше». Последовавшее вскоре «Преступление и наказание» в ТЮЗе наделило имя режиссера общероссийской известностью. Только потом Питер познакомился со сделанной гораздо раньше, но оставшейся до поры нелегализованной, непредъявленной широкой аудитории работой — моноспектаклем Алексея Девогченко «Концерт Саши Черного для фортепиано с артистом». По контракту работал в Красноярске и в Омске, а теперь и в Питере (сейчас Григорий трудится сразу в трех театрах над тремя постановками). Ближайшей его премьерой станет «Лес» в Театре на Литейном. Там заняты и постоянные участники труппы театра: Татьяна Ткач, Татьяна Шуко, Евгений Меркурьев, Сергей Моспан, Сергей Барышев, — и те, с кем режиссеру нравится работать еще с институтской поры: Марина Солопченко, Дмитрий Бульба, Алексей Девогченко. «Лес» обещан осенью...

Сцена из спектакля «Преступление и наказание», который до сих пор остается самой известной режиссерской работой Григория Козлова.

ходил зритель, но и чтобы он хотел прийти и на тот, следующий, который еще не поставлен. Мне кажется, на такого зрителя ориентировался Анатолий Праудин, который руководил ТЮЗом последнее время. Мне очень понравился его «Покойный бес» — очень тонкая работа, интересный замысел, замечательная работа с артистами! И очень близкая мне тема — как возникает пушкинский шедевр из черновиков Белкина. Как вообще художник творит чудо, из чего оно возникает? Мы пытались прикоснуться к этой тайне в «Сонате счастливого города» и теперь снова — в Гофмане. В Александринском театре мы с Наташей Паниной, Алексеем Девогченко и Александром Барманом репетировали уже около года фантазию по мотивам «Капельмейстера Крейсера». В будущем сезоне будет премьера.

— Тебе сейчас предлагали руководство ТЮЗом, но ты отказался. Ты вообще не склонен вставать во главе театральной труппы, тебе дороже твое сегодняшнее вольное состояние, позволяющее свободно перемещаться из ТЮЗа — в «Балтийский дом», из Александринки — на Литейный?

— Я мечтаю о своем театре! О таком, где мы бы работали вместе с моими любимыми артистами, небольшой труппой в десять-пятнадцать человек, чтобы студенты при этом обязательно были, набираясь опыта непосредственно в театре, у старших, и чтобы старшие при этом чувствовали свою нужность.

— Эта мечта о своей студии, почти семье, совершенно понятна. Ну а доведись тебе принять какой-нибудь чужой, давно и не тобой созданный театр, уже не только сложившийся, но и благополучно разложившийся, отказался бы?

— Если бы труппа не возражала, почему бы и нет?

— А были случаи постановок «на заказ» — по предложению от театра, когда не ты выбирал название, а соглашался с чужим выбором?

— Ну это должно, по крайней мере, совпадать. Например, в Новосибирске меня попросили поработать с актерами на материале русской классики. Кто бы отказался? Тем более я тогда только что поставил подряд два спектакля по Уайльду и несколько «объелся» им.

— Что же тебя так занесло в Уайльда?

— На самом деле это все одна линия — Чехов, Уайлд, Стриндберг, это рубеж веков, становление нового театра. Достоевский здесь тоже не лишний — он предтеча этого витка. Сейчас я пытаюсь двигаться глубже, вспять — Салтыков-Шедрин, Островский. Хотелось бы попробовать Пушкина...

— Можешь ли ты беспристрастно смотреть не тобою сделанный «Вишневый сад» или «Преступление и наказание», не испытывая желания немедленно вмешаться и все поправить по-своему?

— Знаешь, я не видел ни одного чужого «Преступления и наказания». Даже спектакля Камы Гинкаса, о чем очень сожалею. А «Вишневый сад» — это для меня лучшая пьеса всех времен и народов... В ней есть все. Поэтому я готов принять любую версию, если в ней есть своя логика, если она сделана интересно. Хотя я, как сейчас вспоминаю, в основном другие «Вишневые сады» видел еще до того, как мы начали репетировать в Красноярске.

— Режиссер, который берется ставить пьесу «Леший», всегда навлекает на себя вопрос: а почему не «Дядю Ваню»? Ведь «Леший» самим автором признан как первоначальный неудавшийся вариант, черновик.

— Вот именно, первоисточник. Чехов был моложе, герои его моложе, и команда артистов требуется помоложе, то есть как у нас.

— То есть «Дядя Ваня» — пьеса для более зрелых артистов?

— Да нет, артисты, с которыми мы репетируем, — вполне зрелые мастера. Марина Солопченко, Ольга Карпенко. Татьяна Макалова, Иван Латышев, Борис Ивущин, Александр Строев, Алексей Титков, Александр Борисов, Виталий Салтыков, Дмитрий Лагачев... Я уже не говорю про Игоря Шибанова, одного из ведущих мастеров нынешнего ТЮЗа. Но «Дядя Ваня» требует другого мировоззрения, когда ощущается, что жизнь уже на краю, и люди, пройдя через все испытания, приходят к смирению. Вспомни финал: «Дядя Ваня, надо жить, надо работать...» Это их спасение. А «Леший» — пьеса ничуть не менее интересная, это сплошной праздник

жизни. Несмотря на все трагические обстоятельства. Потому что наши герои — молодые люди. У них еще праздник продолжается.

— И будет продолжаться, пока автор не приведет их к «Дяде Ване»... Ты готов ставить всю жизнь одного Чехова, тебе бы хватило познавать одного автора на всю жизнь?

— Нет, одного Чехова мало. Хотелось бы «Месяц в деревне», хотелось бы «Маленькие трагедии», сейчас со студентами с таким удовольствием занялись «Декамероном» Боккаччо.

— Ты преподаешь на факультете театра кукол. Но, за исключением одного дипломного спектакля, работаешь, собственно, как драматический режиссер. Твое кукольное образование тебе чем-то пригодилось?

— Естественно. Работа с куклой требует особой тщательности. Лишнего движения себе уже не позволишь. На самом деле если ты состоишь как режиссер, то уже не принципиально, работаешь ли ты в кукольном театре или в драматическом... Профессия есть профессия. Владение формой должно быть. Идея должна быть.

— Тебе близка мысль Треплева: «Новые формы нужны, а если их нет, то ничего не нужно»?

— Все формы давно уже придуманы. Болезнь формы свойственна начинающим. Современное искусство требует зрелого мировоззрения. Невозможно игнорировать опыт XX века: как мы можем обращаться к «Лесу», не держа в памяти, что была постановка Мейерхольда? Как можно не впитывать опыт других искусств, опыт кино. А что касается Треплева... Это всего лишь мысль одного персонажа. А другой скажет иначе. А третий скажет: «В человеке все должно быть прекрасно». И мир Чехова складывается из полифонии всех этих тем. Каждый человек — отдельная тема. Отдельная боль, отдельная радость. Знаешь, в футболе сейчас отдельный великий игрок ничего не решает. Если нет команды — с общим стилем игры, с общей стратегией, — ничего не получится. Роналдо так ничего и не сумел сделать в финальном матче. А французы победили благодаря командной игре.

Санкт-Петербург

18.2.99.

Козлов Григорий